

*Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:*

Мама мыла раму

Счастливо оставаться!

Дай на прощанье обещанье

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

Не девушка, а крем-брюле

А другой мне не надо

*Три женщины
одного мужчины*

**Татьяна
БУЛАТОВА**

*Три женщины
одного мужчины*

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *А. Старикова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Булатова, Татьяна.
Б90 Три женщины одного мужчины / Татьяна Булатова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Бест прайс. Современная российская проза).

ISBN 978-5-699-96484-0

«Муж и жена — одна сатана» — гласит народная мудрость. Евгений Вильский был уверен, что проживет со своей Женькой всю жизнь — ведь и зовут их одинаково, и друзья у них общие, и дети — замечательные. Но есть еще одна мудрость: «Жизнь прожить — не поле перейти». И смысл этих слов Вильский постиг, когда понял, что не бывает только белого и только черного, только правильного и только неправильного. И половина — это необязательно одна вторая, вопреки законам математики и логики...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96484-0

© Федорова Т.Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Женьке Вильскому золотозубая цыганка нагадала долгую жизнь.
— Сколько? — поинтересовался он и зажмурился в предвкушении ответа.

— А сколько ты хочешь? — Пожилая и изрядно потрепанная с виду гадалка ловко перекатила обмусоленную сигарету из одного угла потрескавшегося рта в другой.

— А сколько дашь? — браво тряхнул рыжей челкой Женька и подмигнул стоявшим неподалеку одноклассникам — Вовчику и Левчику, по редкому совпадению носившим одинаковую фамилию Рева, несмотря на отсутствие родственных связей.

— Я не даю, — ухмыльнулась цыганка и схватила парня за руку, заглядывая тому в глаза. — Дэвел дает.

— Кто? — Женька попробовал высвободить руку, но гадалка с силой удержала ее в своей.

— Дэвел, — строго и значительно повторила цыганка, а потом снова ухмыльнулась и кокетливо пропела: — А позолоти девушке ручку...

— Это кто тут у нас девушка? — высокомерно оглядев гадалку с ног до головы, съязвил Женька и вновь попытался выдернуть руку.

— Я. А что, не похожа? — недобро засмеялась женщина и выплюнула на землю потухшую сигарету. — Денег дашь — скажу.

— Не дам я тебе денег. — Женька наконец-то вырвал руку и автоматически вытер ее о выдавшие виды школьные брюки. Этот жест не ускользнул от цепких цыганских глаз, парню стало неудобно, и он зачем-то объяснил гадалке: — Вспотела.

— Тогда сигарету дай! — потребовала цыганка и грудью пошла на Вильского, не отрывая от него взгляда.

— Нет у меня сигарет, — наврал Женька и попятился.

— Есть, — усмехнулась цыганка и постучала коричневым пальцем по левому лацкану кургузого форменного пиджака. — Тут.

— Нет, — предательски покраснел Вильский.

— Есть, — притопнула ногой гадалка. — Зачем девушку обманываешь? Мне Дэвел все скажет, а ты слушай, рыжий! — Она зажмурилась и зачастила: — Сердце большое, в нем три женщины. Нет, пять.

— Скажи еще: «Шесть!» — съерничал Женька, пытаясь скрыть испуг.

— Шесть, — неожиданно серьезно подтвердила цыганка и снова схватила Вильского за руку. — Но ты — ничей.

— Как это ничей? — струхнул Женька и поискал взглядом товарищей в надежде, что те вызволят его из цыганского плена. Но тем, похоже, самим нужна была помощь: окруженные галдящими цыганками разного возраста, они тщетно пытались прорвать плотную оборону голосистых попрошаек.

— Сюда смотри, не туда! — шикнула на Вильского гадалка и больно стукнула заскорюзлыми паль-

цами по его прыщавому юношескому лбу. — Видишь? — Она поднесла к Женькиным глазам свою темную сухую ладонь и ткнула в ее середину указательным пальцем левой руки. — Видишь?

— Что?

— Себя! — Голос цыганки стал глуше, она заговорила тихо и, как показалось перепуганному Вильскому, зловеще: — Смотри еще!

Женька послушно вытаращил глаза, но ничего, кроме испещренной глубокими линиями старческой ладони, не увидел. Цыганский фокус не удался, и тогда гадалка спешно поменяла тактику:

— Дай руку!

Вильский беспрекословно протянул. Цыганка дунула в Женькину ладонь и заскользила пальцем по невнятным линиям, еле заметным на светлой, почти белой коже.

— Смотри! — снова скомандовала она, а потом с невольной просочившейся жалостью в голосе сказала: — Два раза хоронить будешь. Проклят будешь. Жить будешь.

— Сколько? — выдавил из себя притихший Женька.

— Сколько Бог даст, столько и будешь, — сердито пояснила гадалка. — Все иметь будешь, а ничего с собой не заберешь. Умный ты, а один!

— А как же шесть женщин? — криво улыбнулся Вильский.

— Как положено: проводят и дальше пойдут. Дел много — жить надо.

— А я? — выдохнул Вильский, и по его веснушчатому лицу разлилась свинцовая бледность, почти стерев густо рассыпанные веснушки.

— И у тебя дел много. — Цыганка выпустила Женькину руку. — На три жизни.

От слов «на три жизни» на душе у Вильского полегчало, и он с остервенением начал рыться в карманах.

— На! — Женька протянул гадалке смятый бумажный рубль, выданный матерью на школьные обеды, и несколько медяков.

Цыганка, осмотрев добытые честным трудом деньги, сначала взяла рубль, аккуратно сложила его вдвое и засунула в невидимый глазу карман какой-то из многочисленных юбок. Потом двумя пальцами подхватила две копейки, потеряла монету о подол и брезгливо швырнула под ноги стоящим неподалеку товаркам. Причем ни одна из цыганок не потрудилась нагнуться, чтобы поднять монету. На ладони у Вильского оставалось еще два медных кругляшка, каждый достоинством в три копейки.

— Возьмите, — попросил он гадалку, на что та ловко выхватила одну из монет и снова утопила ее в цветастых складках. — А эту? — поинтересовался Женька и показал на монетку, оставшуюся на ладони.

— Себе оставь, рыжий, — разрешила цыганка и шепотом добавила: — В Бога не веришь, глупый. Своим законом жить хочешь. С собой носи, на удачу.

— А сколько я жить-то буду?! — требовала ясности Женькина глупая юность.

— Сколько надо, столько и будешь, — бросила через плечо женщина и степенно направилась к своим соплеменницам, сообщая окучивающим очередную жертву со словами: «Всю правду скажу... Не бойся».

Пятьдесят лет спустя эта, в сущности, хрестоматийная история совершенно неожиданно всплыла в день похорон Евгения Николаевича Вильского в пересказе поседевших и располневших Вовчика и Левчика, глубоко пожилой матери покойного — Киры Павловны — и трех женщин, пришедших проводить его в последний путь: кто-то со словами непрощенной обиды, кто-то — благодарности, а кто-то — недоумения, словно песню оборвали на полуслове.

История первая:
самая правдивая и короткая

— Женька жару терпеть не мог, — сообщил Лев Викентьевич Рева и с неподдельной грустью посмотрел сперва на лежащего в гробу друга детства, потом на занавешенное темными портьерами окно, а потом снова на лицо покойного. — Да-а-а... — протянул затаенный в костюм Левчик и схватился за сердце, чем привел Киру Павловну в состояние крайнего возбуждения:

— Ты давай еще помри. Одного мне мало!

— Да не про то я, тетя Кира, — отмахнулся от голубоглазой кудрявой старухи Лев Викентьевич, и в груди что-то екнуло. Но не опасное, не страшное, а волнующее, потому что подтверждало, что сам-то он жив и даже может надеяться на грядущие перспективы, которые представлялись ему самыми обнадеживающими.

Льва Викентьевича ждал запланированный еще с зимы круиз по скандинавским странам в сопровождении очередной верной и волнительно юной подруги, о существовании которой Нина, жена, разумеется, догадывалась, но стопроцентной уверенности

в измене не имела. Во всяком случае, Левчик Рева делал все, чтобы супруга пребывала в счастливом неведении. Именно с этой целью круиз настойчиво именовался «командировкой по обмену опытом с коллегами из-за рубежа», и, как уверял жену Лев Викентьевич, ехать ему совершенно не хотелось, потому что здесь у него семья, внучка-отличница, дача, а там — фьорды, черт бы их подрал, холодная вода и «низкое небо над головой». «Но... — многозначительно ронял Левчик, — ничего не поделаешь: производственная необходимость». И Нина Рева мужественно принимала условия игры и смиренно склоняла голову к надежному плечу кормильца, понимая, что «производственная необходимость» и благосостояние семьи — понятия взаимосвязанные.

Мысль о предстоящем отдыхе взволновала Льва Викентьевича не на шутку: он даже запомнил, что собирался сказать, и с надеждой посмотрел на Киру Павловну, не по годам здравомыслящую, по-прежнему эгоистичную и резкую в оценках женщину.

— Ну? — протянула она недовольно и поправила выбившиеся из-под кружевной косынки непослушные седые кудельки.

— Что? — Левчик для отвода глаз поправил галстук, пытаясь заново сформулировать ускользнувшую мысль.

— Договаривай! — приказала Кира Павловна.

— Лечиться надо было вовремя! — вынес вердикт Лев Викентьевич и строго посмотрел на безмолвного Женьку. — Вовремя! А не за неделю до смерти.

— А чего ж ты ему об этом не сказал? — вступилась за сына Кира Павловна, пытавшаяся найти виновного в случившемся. — Чего ж ты другу-то своему не сказал, Лева, что курить вредно?

— Я сказал, — отказался брать на себя вину Лев Викентьевич. — Я Женьке давно говорил: бросай курить, бросай курить, черт рыжий.

— Так он тебя и послушал, — махнула рукой Кира Павловна и поправила рюшку на обивке гроба. — Никого он не слушал. Вот, бывало, говорю ему: «Не кури! Не кури, сынок, эту гадость!» А он мне: «Курил, мать, курю и буду курить!» И все, Лева. Никаких разговоров. А ты хотел!

Лев Викентьевич виновато потупился.

— Никто матерей не слушается, — подвела горький итог Кира Павловна и задумалась. — Разве ж это мыслимо? Оставил меня одну, девяностолетнюю старуху: доживай, мать, как хочешь, а я полежу... Лежишь? — обратилась она к сыну и, не дождавшись ответа, погладила его по холодному лбу. — Вот и лежи теперь, неслух! Все вы неслухи, — неожиданно ласково прошептала она и мелко-мелко затрясла головой, отчего гипюровая косынка соскользнула с волос, и они встали дыбом, распространив вокруг маленькой головы серебристое сияние.

— Не плачьте, тетя Кир, — жалобно попросил Левчик и закрутил головой в поисках верного однофамильца Володи Ревы. — Не плачьте, пожалуйста.

— Как это я плакать, Лева, не буду? — изумилась старуха и с гордостью расправила плечи. — Ты на Вовку-то посмотри. Видишь, как убивается?

Лев Викентьевич заскользил глазами по комнате, но никого, кроме сидевшей напротив себя Женькиной матери, не увидел. На минуту Левчику даже показалось, что старуха сошла с ума, и тогда ради чистоты эксперимента он поинтересовался:

— Где, тетя Кир?

— Ты слепой, что ли, Лева? — заворчала Кира Павловна.

— Здесь я, Левчик, — всхлипнув, выдал себя Вова Рева, пытавшийся спрятаться за дверным косяком.

— Не плачь, Вовчик, — бросился успокаивать друга Лев Викентьевич.

— Не могу, — отказался подчиниться товарищ. — Я недавно мать схоронил. Словно заново все.

Кира Павловна с интересом посмотрела на седовласого Вовчика, нашла его образ убедительным и покровительственно изрекла:

— Потому что ты, Вова, нормальный человек. Сначала Лиду похоронил, а потом уж сам встал в очередь.

После этих слов школьные товарищи переглянулись.

— А этот, — кивнув головой в сторону покойного, поджала губы старуха, — всегда поперек батьки в пекло неся. Три жизни жить собирался.

— Это ему цыганка нагадала, — в один голос воскликнули осиротевшие друзья, реальные свидетели судьбоносного инцидента полувековой давности.

— Не верю я этим цыганкам, — замотала головой Кира Павловна. — Ни одной не верю! И ему всегда говорила: «Не верь, Женька! Обдурют и женют». А он им еще деньги давал. Видал, что нашла?! — Она повозилась в кармане черного кримпленового платья и вытащила оттуда трехкопеечную монету, датированную 1963 годом. — В кармане у него была, в брюках... В морг вещи собирала — и вот... Всегда ведь с собой носил. Помню, Женя Веру рожала, а он все монетку подбрасывал: орел, мол, или решка, парень или девка.

— Не хотел он мальчика, — подала голос сидевшая в комнате напротив первая сноха Киры Павловны.

— Это они все так говорят, — отмахнулась от бывшей невестки старуха. — А вы, дуры, верите. Забыл он, — заплакала Кира Павловна и спрятала монету обратно в карман. — Передел брюки-то, а копейку не переложил. Видно, уж так плохо ему было, что забыл. «Ухожу, — говорит, — мама. В больницу. Жди, мол, может, еще и приду». А сам не пришел. И я, дура старая, ничего ему не сказала. Думала: «А как же? А то не придешь?» Разве ж я знала? — Старуха поискала глазами вышедшую на время из комнаты, вдоль стен которой были расставлены пластиковые траурные венки, старшую внучку и, не найдя, зло добавила: — Все люди как люди. Домой возвращаются, а этот...

— Разве ж он виноват, Кира Павловна? — вступилась за Вильского его первая жена, тоже по иронии судьбы носившая имя Евгения, и, кряхтя, поднялась с кресла, чтобы пройти в комнату, где стоял гроб.

— А ты его не защищай! — прикрикнула на сноху старуха и вмиг обмякла. — Видишь, Вова, — обратилась она к присевшему рядом с ней Реве-второму. — Какой красивый лежит. Рыжий. — Кира Павловна потянулась и ласково погладила сына по густым, стоявшим щеткой волосам. — Еще лучше, чем в жизни. Видал, какой розовый? Чисто дите, а не шестидесятилетний мужик.

— Это румяна, — приоткрыла завесу тайны перед свекровью Женя. — Теперь всем, кого бальзамируют, сразу макияж делают.

Слово «макияж» неприятно покорило сопевшего на стуле Льва Викентьевича, и он укоризненно посмотрел на Евгению.

— А что ты так на меня смотришь, Лева? — моментально отреагировала первая жена Вильского. — Конечно, макияж. Иначе б он синий сейчас лежал.

— Чего б это он синий-то лежал? — забеспокоилась Кира Павловна, уверенная в том, что сын ее, Женька, умер легко и быстро. По словам младшей внучки, как ангел. «Точно, бабуль, как ангел!» — успокаивала в тот день голосившую бабку экзальтированная Вероника, совершенно не соображая, что ангелы бессмертны.

— Посмотрела бы я на вас, Кира Павловна, — скривилась Евгения, но договорить не успела. Строптивная старуха тут же ее оборвала:

— Посмотришь еще, Женечка, не сто лет жить буду.

— Да живите, тетя Кир, — всхлипнул сентиментальный Вовчик и полез за носовым платком в задний карман брюк.

— Да че ж я вам, клоун, что ли?! — возмутилась мать покойного и, поджав губы, изрекла: — Ни дня жить без него не хочу. Сами со своей кошкой теперь доживайте! — пригрозила Кира Павловна и позвала: — Мотя! Мотя! Мотя!

Кошка не отозвалась.

— Не идет, стервь. Бойтся! Сам ведь все время ее отсюда гонял. Не разрешал в свою комнату заходить. А сейчас говорю ей: «Иди сюда, Мотя. Умер Женька-то. Ходи теперь, сколько влезет», — а она все равно носа не кажет. Так в темнушке и сидит. Ты б ей, Женя, печенки бы пожарила, а то ведь второй день ничего не ест.

— Скажете тоже, Кира Павловна, — возмутилась сноха. — Жара такая, на улицу выйти невозможно, а вы про кошку.

— А чего ж тебе жара? — искренне удивилась старуха, предполагая, что у людей младше ее по возрасту претензий к жаре не может быть по определению. — Дойди по теньку, купи печенки и пожарь у себя. Может, поест.

— Ну уж нет! — категорически отказалась совершать подвиг Евгения Николаевна. — Если хотите, вечером пожарю.

— Дорого яичко, да к Христову дню, — обиделась свекровь. — Придется чужих людей просить. Может, ты, Лева, Нину свою попросишь? Все равно ж придет прощаться, так пусть хоть с толком.

Лев Викентьевич стушевался, но отказать матери покойного друга не решился.

— Да я сейчас позвоню, тетя Кир. — Он полез за сотовым телефоном.

— Уж позвони, Лева, сделай милость, — просто-нала Кира Павловна и посмотрела сквозь сидевшую напротив сноху. — Не всякий раз просить-то буду. Если только что...

— Вы это, — заволновался Вовчик, — тетя Кира, просите. Я ведь тоже сготовить смогу, это я запросто.

— Спасибо, Вова, тебе, — низко опустила голову Кира Павловна, а потом резко ее вскинула и гордо посмотрела сквозь невестку.

— Не надо никуда звонить, — запретила вернувшаяся в комнату старшая внучка Вера и строго посмотрела на бабушку. — Зачем тебе сейчас печенка? Я твою кошку уже кормила. Ника корм ей привезла.